

Марина Якунина

Погоня

за

Шутом

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Якунина

Погоня за шутом

«Автор»

2026

Якунина М.

Погоня за шутом / М. Якунина — «Автор», 2026

У обычного современного паренька выдался неудачный день. По дороге домой он наткнулся на странного сумасшедшего мужика. В результате парень оказался в одиночестве в чаще леса. И лишь спустя некоторое время понял, что попал в мир, словно сотканный из песен любимой группы. Только вот проблема — окончательно умереть, как и выбираться из кошмара, оказалось весьма проблематичным и трудноисполнимым занятием. Примечание: Автор ничего не пропагандирует кроме здравого смысла, но им приходилось порой жертвовать в угоду атмосферы, канонным событиям и угара. Посвящения и благодарности: Прекрасному коллективу с весёлыми и страшными, абсурдными и честными, романтическими и жестокими сказками*обложка сделана самостоятельно с помощью ИИ и фотошопа

© Якунина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возле мусорного бака	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Марина Якунина

Погоня за шутом

Глава 1. Возле мусорного бака

День у Пашки Небывалина выдался скверным. Собеседование на непыльную офисную работёнку он, кажись, провалил. Во всяком случае внятного ответа на дебильный вопрос кем вы видите себя через пять лет выдать из себя не смог, разумом витая в где-то на Бали, потягивая пиво и неспешно шурша клавишами на крутом ноуте, снисходя до своих коллег проверкой срочных вопросов по почте. В универе у него начали отрастать хвосты не хуже, чем у бывалой китцуне. Домой к предкам тащиться было, откровенно говоря, запаadlo.

Но, что говорится — зато покормят.

Пашка сделал последний глоток из жестяной банки модного энергетика, чья этикетка расплзалась по чёрной жести неоновым горящим зелёным пятном. Небрежно смял её. Не найдя взглядом урну хотел было бросить мусор к кучке уже сформировавшегося безобразия на пожухлой осенней клумбе... Но отчего-то передумал. Вместо это засунул в уши гарнитуру, натянул почти до середины лица капюшон черной толстовки с изображением Шута из любимой группы, мысленно матюкнувшись, заметив на смартфоне низкий заряд батареи. Отпнул новёхоньким сапогом камешек и поплёлся в сторону предков, шурясь и ежась от порывов промозглого осеннего ветра.

Банку так и протащил в руке почти два квартала, и, наконец, выкинул её в совершенно пустой зелёный бак, стоящий в узком прогале между двумя пятиэтажками возле небольшого сквера.

Банка гулко ударила по стенкам, отразившись эхом, в котором Пашке почудился чей-то смех, отдающий нотками безуминки в тоне.

Ответь, мой друг: ты каждый день

Читаешь сводку новостей,

Боясь событий и людей?

Ведь, каждый может быть злодей!

Ты притупляешь разум свой,

И мир враждебною средой

Вновь предстаёт перед тобой.

И вот ты встретился со мной... (с)

Даже несмотря на то, что смех к этой песне в тему, Пашка сходу не вспомнил, должен он там присутствовать, или нет. Он резко выдернул из уха амбушюры и нервно заозирался.

По шоссе проезжали машины, изредка подавая недовольные гудки заснувшим на светофоре водятлам. Возле помойки гуркали гули с таким видом, словно сейчас — не осенняя ночь, а майский день. Где-то вдалеке заливалась лаем дворовая собака в близком частном секторе. На ближайших голых берёзах сидели вороны и молча поворачивали в сторону отчего-то вдруг пересравшего Пашки то один глаз, то другой, злое сверкающий на фоне полной луны...

Ни одного человека в области видимости... Даже ног забухавших бомжей — и то не видно. Только, видать, от напряжения слышится странное ритмичное тикание...

Вдох. Медленный и спокойный выдох.

Пашка засунул наушник обратно в ухо, и бросил нервный взгляд на прогал между домами. Как раз там он и собирался быстренько пройти, чтобы сократить путь. Собственно, он проделывал этот путь тысячекратно, частенько огибая ноги тех самых разлётшихся возле

прогретого подземной теплоцентральной трубой асфальте. А сейчас там и того не было. Чего забздел-то?

Словно в насмешку приложение отчего-то решило поставить песню на повтор, и столь привычный голос с низкой хрипотцой пропел:

В сквере ошивался

Человек — на вид приличный.

В подворотню он входит

Боялся — страх, вполне логичный. (с)

Хохотнув от этого совпадения, Пашка мотнул головой, облизнул пересохшие губы и бодро потопал по привычному пути между домами, сунув подмёрзшие руки в карманы джинсов.

— М-м-м... Прелестно... Как удачно! Как... вовремя... — протянул низкий, чуть хриловатый мужской голос и разразился искренним смехом с нервными высокими нотками.

День выдался совершенно чудесным. Мало кто отваживался завернуть в этот уголок мечты клаустрофобии и осмофилии. Впрочем, тщедушного мужичка, что без тени брезгливости рылся в помойке, покуда за ней не приехал вывоз мусора, кажется, я отвадил от выпивки если не на многие года, то уж на недели-то точно. А жаль... Он так сладко визжал. Так вкусно боялся, завидев куски плоти, сползающие с моего лица шматками багрового мяса. А я даже гнильцы не добавил... Что за малохольный народ живёт в этом веке?

Впрочем, пожалуй, этот бездомный джентльмен, что отважился даже предложить мне взамен на жизнь своей тусклой душонки набранную им стеклотару, оказался самым стойким.

Дамочке, что давеча выкидывала мешок мусора, оказалась вспугнута всего лишь моей тенью, едва заметив, как я мочился... Ни минуты покоя! Ни тебе полёта фантазии, ни тонкой игры... Это же скучно! Впрочем, после я вдоволь отыгрался на группе подростков. Кажется, теперь они станут верить в оборотней.

И весь этот день меня терзало тянущее ощущение... Нет... Предвкушение... Мне казалось, что я чего-то забыл, представляете? Нет... Я, как и всегда хорошо подготовился. И добросовестно импровизировал этим неблагодарным зрителям. Впрочем, я и не нуждался в их одобрении. Никогда не нуждался. Я всё равно получу от них плату, хотят они того, или нет.

Но вот... Он пришёл... М-м-м... Как сладко он испугался, едва заслышав мой смех, лизнувший его разум. Сколь... Желанна для меня эта встреча... Я даже не знаю, что и сказать ему. Отчего я так сильно его ждал? Почему-то его образ мне кажется смутно знакомым. Ах, да! Пожалуй... Что же... Для тебя я устрою особое представление. Ты оценишь. Позже... Как же там был этот мотивчик? Задорный такой... Впрочем, что я мучаюсь, вспоминая? Он как раз сейчас в его разуме... Мне даже хочется это напеть.

Едва зайдёте

Ко мне, прощайтесь с белым светом!

Вы не умрёте,

Но вы не знаете об этом! (с)

Задорный настрой испарился, не продержавшись и до середины пути через этот привычный переулочек.

Пролегающая под ним магистраль, кажется, вопреки всем нормам гостей или что-де там за нормы у придомовых коммуникаций, ничерта не грела, хоть и обычно, пройдя по ней несколько шагов, можно было прочувствовать приятное тепло сквозь тонкие подошвы осенних ботинок.

— Вот блин... — шёпотом ругнулся Пашка, свалив подмерзающие пальцы на ногах на некачественную новую обувь.

Колючки морозца от кончиков пальцев перекинулась на икры. Затем поползли выше, куснув за ляжки, а затем и вовсе прихватили в паху так, что Пашка ошарашенно охнул, откоро-

венно говоря, прихренев с ощущений, и остановился. Плеер, как назло, зашипел, и мелодия, придающая позитива и, отчасти, спокойствия, оборвалась.

Спустя секунду хотел было побежать, но не смог. Ноги, охваченные лютым холодом словно приросли к совершенно сухому асфальту. Краем зрения Пашка улавливал странный блеск на штанине. Словно бы нога, действительно, увязла в глыбе грязно-серого льда.

Где-то прямо над ухом каркнул ворон, и Пашка чуть присел, ощутив, как по его затылку мазнуло мягкое крыло.

Луна, до этого лениво следящая с небосвода за происходящим, зашла за плотное облако, и Пашка оказался окружен почти непроглядной тьмой. Очертания предметов едва угадывались от тусклого освещения придорожного фонаря. Да и тот, касалось, угасал.

Сердце пустилось вскачь. Пашка сдёрнул с себя капюшон, взъерошив тем самым чуть излишне отросшие русые волосы и нервно выдернул наушники. Раз уж один орган зрения вдруг подвёл, то, хотя бы, пусть слух наострится.

Он всё ещё безуспешно пытался выдернуть ноги из этого странного ледяного капкана. Грубым наждаком по нервам резанул тот самый, с ненормальными верхними нотками, залихватистый смех, источник которому до сих пор Пашка не мог обнаружить. Только вот звучал смех даже будто бы не над самым ухом, а где-то в глубине подсознания.

Горло сжало тугой удавкой паники. Хотелось хоть окликнуть кого, только как? Ладони охватил мелкий тремор. Футболка неприятно прилипла к телу от выступившего пота, и он тут же заledenел на спине, добавив чуть ли не болезненных ощущений, словно его окунули в прорубь.

Но этого оказалось мало. Краем зрения Пашка заметил движение тени прямо на кирпичной кладке стены.

Его тени.

Она удлинилась, налилась чёрной до скрадывания остатков освещения тьмой, чуть расширилась, и просто сшагнула со стены, плоско встав перед совершенно охреневшим и перепуганным Пашкой. Переулок быстро затягивал плотный белёсый туман. Он мог бы поклясться, что именно от тени он услышал невнятное бормотание, напоминающее мотив песни. Руки тени жили своей жизнью. Тень, словно мим, сошедший со страниц черно-белого хоррора, жестикулировала, словно дирижёр, играющий на нервах невидимых зрителей.

И чем больше Пашка пугался, тем плотнее она становилась. То ли глаза привыкли к этому сюрреалистическому полумраку, то ли тень просто позволяла ему увидеть больше деталей... Она до сих пор не имела лица. Но торс уже образовал достаточно чёткий костюмчик, словно сошедший со сцены исторического спектакля. Несуразные рукава с несколькими воланами напоминали этакий псевдосредневековый дублет. На ногах же сформировались кожаные штаны с несколькими карманами и кучей заклёпок.

На голове же...

От башки тени вытянулось два весьма толстых рога. Они, с лёгким звоном, загнулись книзу и повисли.

Неужто, чёрт? — пронеслась первая ассоциация в голове Пашки. Захотелось перекреститься, хоть он и никогда не страдал особой приверженностью к любым религиям, кроме свободы, проникнувшись стилем жизни любимых исполнителей.

Детсья с места никуда не удавалось. Приходилось просто молча наблюдать за этой странной метаморфозой, и внутренне молиться, что всё происходящее — просто кошмар.

— А! Молодой человек! Ну наконец-то хоть кто-то под достоинству оценит мои старания! — нараспев прохрипел ужасно режущий слух голос, не вызывающий ничего кроме отторжения и животного ужаса.

Голова тени, наконец, закончила формироваться — и Пашка со сложной гаммой чувств признал... шутовской двурожный колпак, увенчанный небольшими колокольчиками на концах.

— Ну и как вам понравилось открытие занавесы? — тень по совиному повернула лицо из положения со спины на полагающееся нормальной человеческой голове место, и ослабилась жутковатой улыбкой, подбоченившись при этом и, отчасти, игриво перенесла вес с одной ноги на другую, чутка откледила бедро.

Ослабился — мысленно поправил себя Пашка, ошалело лупя глаза на диковатую физиономию мужика, красующегося перед ним, словно шут.

Шут!

Эта мысль даже несколько успокоила Пашку. Мозг отчаянно искал рациональное объяснение происходящему. Да! Это просто прибухнувший, или наширившийся какой-то дряни шут. Актёр ближайшего театрального кружка! Видимо, после спектакля так хорошо накидался, что его срубило как тех же бомжей в тёплом месте. Вот! И грим уже местами потёк и облупился, висая неопрятными шматами вокруг глаз, да по краям линии подбородка. Кое-где даже просвечивала болезненного цвета кожа. Радужки шута излишне дёргано елозили по лицу пытающегося унять дрожь в теле Пашки, и даже, казалось, взгляд был чуть расфокусированным. Видимо, для усиления эффекта, этот шут театрально поклонился, отточенным движением покрутил рукой, и в лёгком полупрыжке выставив вперёд ногу с напряженным мыском. С лица шута не сходила улыбка, более похожая на оскал. И спустя мгновение после этого жеста шут и вовсе замер статуей. Даже моргать перестал.

Вот только нарика мне сейчас не хватало — внутренне простонал Пашка, уже успевший убедить себя в том, что он просто по рассеянности не заметил этого типчика за баком.

— Мужик, отвали! Пройти дай! — сдавленно прохрипел Пашка, стараясь придать голосу как можно больше твёрдости. Ощущение кошмара потихоньку испарялось. Ноги, которые он продолжал натирать, хоть и покалывало, но к ним возвращалась подвижность. Теперь же хотелось просто поскорее оказаться дома, пожаловаться родне на дебильный день, и вырубиться после сытного ужина.

— Пх-пх-пх-пх! — шут отмер, и начал странно булькать, словно бы его затошнило. А затем разразился громким смехом, больше похожим на гротескный эпатажный эпизод в греческой комедии масок, нежели даже на смех наркомана.

Вот... И чё делать? — адреналин щедро выплеснулся в кровь, побуждая действовать. Первой мыслью было дать в рожу этому чудику, да припустить со всех ног по самому короткому пути к подъезду. И Пашка даже склонялся именно к этому варианту. Заодно бы отыгрался за испуг... Но прикасаться к этому неадекватному чучелу было просто брезгливо. Просто бежать? А если погонится? Это выпивка делает пьянь медлительной, нарушает координацию и ведёт к сонливости. Шут же находился под неведомыми спидами в системе мироощущения Пашки, и излишне провоцировать обдолбанного психа было, откровенно говоря, страшно.

Но делать-то что-то надо!

Рассудив, что поворачиваться к шуту спиной и впадать в состояние жертвы или же добычи — наименее выгодная позиция, чем показаться умеющим за себя постоять, Пашка буркнул себе под нос очередное ругательство, набычился, и широким быстрым шагом направился вперёд, стремясь как можно быстрее обогнуть этого проходимца, уже покачивающегося от непрекращающейся истерики.

Но как только Пашка поравнялся с шутом, смех выключило словно рубильником.

Рука шута за доли мгновений вытянулась на пару метров и не хуже шлагбаума перекрыла проход.

Пашка растерянно замер. И удивлённо хлопал глазами, наблюдая, как скрюченные пальца шута неспешно тарабанят дробь по дальней от него стенке.

— Ну и куда же ты собрался, милчеловек, а?! Это, в конце концов, просто невежливо! — радостно оповестил его шут, вновь оскаливаясь нарисованной улыбкой.

Пашка осознал увиденное. Сглотнул. И, стараясь не спускать с лыбящейся рожи настороженного взгляда, стал медленно и молча отступать.

Шут погрозил Пашке пальцем, по-птичьи глядя на него одним глазом, повернув голову вбок, и поцокал языком:

— Нет-нет-нет-нет, милчеловек. За представление надобно заплатить!

— Нет у меня денег с собой! — огрызнулся Пашка, продолжая медленно отступать. В закоулке образовалась режущая по нервам тишина, вновь начиная отдавать тиканием в ушах.

Шут сцепил руки перед собой в молитвенном жесте и скорчил печальную мину, опустив взгляд на носки Пашкиных ботинок. И тут тихое тиканье сменилось звуком колокола старинных часов, прошедшийся наждаком по расшатанным нервам. Пашка вздрогнул, остановился и даже чуть присел, боясь отводить от этого психа взгляд.

— Пру-пуф-пуф-пуф... — пробурчал шут, старательно надувая щёки. — Это при-скорбно. Очень прискорбно, молодой человек. Придётся нам с вами договориться как-то иначе...

— Не собираюсь я с тобой ни о чём договариваться! — спасение казалось Пашке уже совсем близко. Ещё какие-то пару метров, и его туловище поравняется с мусорным баком, и оттуда можно будет дать дёру.

— Конечно же, собираешься! — шут запрокинул голову и заливисто рассмеялся. — Я оказал тебе услугу. Показал первоклассный кошмар! — руки шута театрально вздёрнулись вверх. — Труд должен быть оплачен! Я сам решу, что дать, что взять.

Шут медленно опустил и голову, и руки, растягивая улыбку в хищном оскале, которые показался Пашке шире и клыкастей, чем до этого. И хуже всего было то... Что расстояние между ними до сих пор не уменьшилось, хоть Пашка уже краем глаза зацепил старинные, в витиеватой узорчатой раме из лаченого дерева часы, стоящие на крышке мусорного бака, мимо которого он так старательно пытался.

Шут же всё это время ни делал ни шага вперёд. Но при этом оставался на том же расстоянии, с которого Пашка начал своё отступление. И всё это время продолжать наблюдать за ним, приходящим к осознанию этой детали, с паскудной ухмылкой.

— Неожиданно, правда? — наконец спросил он, с тихим хохотком, когда Пашка замер на месте, пытаясь переварить этот сюрный момент.

— Отпусти меня... — пискнул Пашка, чувствуя, как у него предательски затряслись поджилки и истончился голос, — Пожалуйста...

— О... Нет, мой дорогой друг, — мурлыкнул шут, размяв плечи, и начал потирать руки, — Видишь, ли, наше с тобой... Хм... Сотрудничество... Только начинается. И... Твоё согласие мне не требуется. — он вновь растянулся в коварном оскале.

Пашке уже было наплевать на всё. Страх вступил в пятки, и он приготовился бежать, едва этот псих шевельнётся. Только дай повод!

Пашка моргнул.

Рожа шута оказалась прямо перед глазами Пашки. Кончик носа клюнул Пашку в его собственный нос. Сильные руки сомкнулись на горле и сильно сжали.

Кислород перекрыло. В ушах стучало набатом, и тикание часов нарастало. В горле и висках пульсировала боль. Они оба упали, гулко шваркнув по мусорному баку и свалили часы на асфальт.

Пашка пытался скинуть с себя шута, разжать его руки, прохрипеть в тишину пустынных улиц мольбу о помощи. Но свидетелями происходящего были лишь вороны, с любопытством наблюдающие за действием со своей трибуны.

Угасающим сознанием Пашка заметил, что стрелки часов пришли в движение и начали отматывать время назад. Глаза закатились, и сознание начало стремительно погружаться в темноту под торжествующий смех шута.

Ворон поворачивал к разыгравшейся сцене то один глаз, то другой, гадая, успеет ли он попить на останках человека, что по непонятной для птицы причине вдруг сомкнул руки на своём горле.

В глаза ударил белёсый свет, и сознание осыпалось искорками боли. В горло с резью и свистом зашёл воздух. Руки отказывались слушаться, но Пашка начал махать ими перед собой, как мог, и уползать. Руки встречали лишь пустоту. Зрение пока не возвращалось. В голове царили звон и стрёкот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.